

Круглый стол
«Современные исследования в этноархеологии
и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 220–230
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 220–230
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-220–230

СИНКРЕТИЗМ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ НАГАЙБАКОВ

И.Р. Атнагулов

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7453-0720

Аннотация. История религиозного развития нагайбаков происходила на фоне сложных взаимодействий и контактов между мусульманством, христианством и пережитками родовых представлений народов тюркской и финноугорской групп Поволжья, Прикамья и Приуралья, уходящих корнями, в том числе, и в древнетюркское тенгрианство. Складывавшаяся в первой половине XVI – начале XX в. в условиях конкуренции между двумя мировыми религиями – христианством и мусульманством – духовная культура нагайбаков, считаясь номинально православно-христианской, сохранила сложный комплекс архаичных черт. Это проявляется, например, в структурах ритуально-обрядовых практик (конные состязания, варка жертвенного мяса в котлах, регламент празднично-ритуального стола и другое), календаре праздников годового цикла, включающего тюркские и славянские традиции (Нардуган, Масленица, Пасха, Аш биру и прочие), а также используемой в богослужебной литературе лексики (тюркской, славянской, арабской и иранской). Все это

Данные об авторе: Ирек Равильевич Атнагулов – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории ИИиА УрО РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по теме, включенной в государственное задание ИИиА УрО РАН на 2022 г. «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (код-шифр темы 0402-2019-0001).

свидетельствует о выраженном синкретизме религиозной культуры нагайбаков. Являясь народом тюркским по языку и православно-христианским по вероисповеданию, нагайбаки всегда находились рядом с тюркоязычными мусульманами – татарами, башкирами и казахами и русскими – православными христианами. Такое соседство служило, с одной стороны, укреплению их в православии, с другой – сохранению тюрко-мусульманских пережитков. В результате подобных влияний религиозная культура нагайбаков сформировалась в оригинальную композицию, ощущаемую народом как единый комплекс, отражающий их этническое своеобразие. Религиозный феномен нагайбаков можно считать одним из оснований фундамента их современной этнической идентичности.

Ключевые слова: этноистория, христианство, мусульманство, тенгрианство, синкретизм, нагайбаки, татары, русские, этническая культура, идентичность.

Современное религиозное состояние нагайбаков формировалось под влиянием разных культурных традиций. Субстратом данного феномена является комплекс древнейших дохристианских и домусульманских представлений эпохи родового строя, уходящий корнями в тенгрианство, о чем будет сказано ниже. Позднесредневековым влиянием можно считать пережитки мусульманства. Крещение предков нагайбаков, как известно, началось с 1552 г. и завершилось в 1730-х гг. возникновением в Восточном Закамье собственно нагайбакской идентичности с включением в их состав различных групп тюркского и восточнофинского (волго-камского) населения, обращенного в православие примерно в это же время¹. Генезис нагайбакской этнической и религиозной идентичности происходил под влиянием контактов и взаимодействий между народами разных языковых групп и семей с разными культурно-религиозными традициями.

Этнические контакты в Южном Приуралье в XVIII–XIX вв. являются эпизодом в тысячелетней истории взаимодействий континентального масштаба между народами славянской, тюркской и финноугорской групп. Под Южным Приуральем подразумеваются все прилегающие к уральской горной стране области как с запада (юго-западное), так и с востока (юго-восточное Приуралье). Обе части в ландшафтном отношении находятся там, где приуральская лесостепь переходит в степные пространства Северного Казахстана. В соответствии с политико-административным делением Российской империи того периода эти земли входили в состав Белебеевского уезда Уфимской губернии, а также Оренбургского, Орского, Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии.

Этнический состав населения этого региона в XVIII в. характеризуется наличием двух крупных массивов – восточнославянского (русские и украинцы) и тюркского (татары, башкиры и казахи)². Присутствие здесь народов других языковых групп ограничивалось переселившимися сюда финноуграми (мордва, восточные марийцы и закамские удмурты). Общую этническую картину дополняли выходцы из азиатских государств, перечисленные П.И. Рычковым как «персияне», «аравитяне», «бухарцы», «хивинцы» и др.³, селившиеся в Оренбуржье с середины XVIII в., и калмыки-казаки, переселенные в Орский и Верхнеуральский уезды в

¹ Атнагулов 2018, 52–59.

² Кабузан 1990, 84–85.

³ Рычков 1762/1, 51–52.

1843 г. из Среднего Поволжья⁴. Оренбургская губерния второй половины XVIII – первой половины XIX в. представляла собой едва ли не самый разнообразный по этническому составу регион⁵, а доля славянского населения в Оренбургской губернии в 1795 г. была самой низкой в империи, составляя 41 %⁶.

Тысячелетние славяно-тюркские взаимодействия и контакты, происходящие в пространстве центральной части Евразии, явились причиной возникновения множества новых этнокультурных феноменов – этноязыковых, этносословных, этнорелигиозных и тому подобных групп. Их параметрические характеристики включали комплексы культурных, хозяйственных, языковых, конфессиональных и других особенностей. Целью статьи стало изучение динамики этих процессов через анализ межконфессиональных взаимодействий. Объектом исследования являются нагайбаки – социальный феномен (идентичность), возникший в результате славяно-тюркских взаимодействий в Юго-Западном и Юго-Восточном Приуралье во второй половине XVI – начале XX в.

Начиная с конца I тыс. в этом регионе конкурировали две крупнейшие мировые религии – христианство и мусульманство. Центром распространения христианства была Киевская Русь, затем – Московское Царство, мусульманства – Золотая Орда, следом – Казанское ханство вместе с другими постордынскими политиями. Со второй половины XVI в. и далее взаимодействие этих двух религий происходило в составе Русского государства, а с XVIII в., соответственно, – Российской империи.

В статье предлагается рассмотреть один из локальных феноменов в числе результатов славяно-тюркских взаимодействий – нагайбаков – группы, которая за короткий исторический промежуток времени прошла путь от сословной группы казаков в составе крещеных татар до отдельного народа. В качестве предмета исследования предлагается выбрать их конфессиональную идентичность, включающую комплекс обрядовых практик, отражающих как славянские, так и тюркские влияния. В структуре этих взаимодействий к славянским (русским) относится православное христианство, к тюркским (татарским) – мусульманские и прочие пережитки религий родового строя.

Нагайбаки, как и кряшены⁷, из которых они социально выделились в 1736 г., стали продуктом культурного и политико-административного воздействия русской администрации на тюркское население бывшего Казанского ханства. С момента присоединения Поволжья и Приуралья к Русскому государству христианство и мусульманство в этом регионе находились в конкурентном состоянии, а их влияние определяли векторы развития этнокультурного ландшафта. Переход из одной религии в другую нередко сопровождался сменой (деформацией) этнического самосознания. Именно фактор конфессиональной идентичности оказался в основе самоидентификации кряшен. У нагайбаков, несмотря на их социальную и территориальную изоляцию от кряшен, конфессиональная идентичность закрепились в используемом до настоящего времени самоназвании первого уровня, такого же, как и у кряшен – *керэшеннэр*.

⁴ Чернышев 1843, 4.

⁵ Рычков 1762/I, 51–52.

⁶ Александров 2003, 37.

⁷ Кряшены (тат. *керэшен* от рус. *крещен*) – общепринятое обозначение крещеных татар.

В истории формирования нагайбаков принадлежность к христианству явилась, пожалуй, первой и продолжительное время едва ли не главной маркирующей (см. Приложение. Таблица 1). Только в первой трети XX в., в связи с реформами, проводимыми Советской властью, конфессиональная идентичность вместе с сословной сменяется этнической. Этому также способствовали два важных события: первая в истории официальная фиксация этнонима «нагайбаки» при переписи 1926 г. и учреждение в 1927 г. Нагайбакского района в составе Троицкого округа Уральской области. С 1934 г. по настоящее время – Нагайбакский район в составе Челябинской области.

Несмотря на атеистическую политику Советского государства конфессиональный фактор в структуре этнического самосознания нагайбаков сохранился и является одним из опорных в фундаменте их современной идентичности. Подтверждением тому являются результаты исследований, проведенных нами среди нагайбаков за последние примерно два десятилетия⁸.

Религиозная идентичность нагайбаков и связанные с ней обрядово-праздничные практики и повседневные стратегии, по нашим наблюдениям, сохраняют актуальность как важнейшая этномаркирующая. Следует учитывать два основных параметра, влияющих на этнокультурный облик нагайбаков, – это принадлежность к группе тюркоязычных народов и к населению, исповедующему православное христианство. Ближайшими тюркоязычными соседями нагайбаков являются казахи, татары и башкиры. На вопрос о том, что отличает нагайбаков от этих народов, на первом месте среди ответов респондентов – религия. Среди народов, исповедующих православие, соседями нагайбаков являются русские, украинцы и мордва. Несмотря на то, что нагайбаки в числе общих признаков с ними чаще всего называют религию, нередко ответы сопровождаются комментариями – «у нас свои обычаи».

Основы конфессиональной идентичности нагайбаков начали формироваться у их предков – крещеных татар Казанской губернии, в число которых входили, упоминаемые П.И. Рычковым, нехристианизированные и немусульманизированные группы населения: «В окружности сея крепости (Нагайбакской – *И.А.*) издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещеные и иноверцы (подчеркивание наше – *И.А.*). Что до первых принадлежит, то их для отличности от нынешних новокрещеных пристойнее бы старокрещеными именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников восприняли святое крещение...»⁹ (подчеркивание наше – *И.А.*). Среди «иноверцев» и «идолопоклонников», вероятнее всего, были чуваша и восточные марийцы, потомки которых до сих пор живут в районе формирования нагайбаков – западной Башкирии¹⁰. На весьма вероятные связи нагайбаков с этими группами указывают, например, физико-антропологические данные¹¹. Чуть позже, в 1750-х гг., по свидетельству П.И. Рычкова, к ним присоединились переселенные из Оренбурга, «выбежавшие из киргиз-кайсацкого плена» и принявшие крещение бывшие му-

⁸ Атнагулов 2018, 246.

⁹ Рычков 1762/II, 206–207.

¹⁰ Атнагулов 2018, 60–61.

¹¹ Макеева 2013, 86.

сультмане численностью «шестьдесят восемь человек, в том числе персиян сорок пять, аравитян двенадцать, бухарцев три, каракалпак два, которые по определению Оренбургской канцелярии селятся на назначенных им местах в Уфимской провинции около Нагайбакской крепости между тамошними новокрещеными»¹².

Кульминация в становлении религиозной культуры нагайбаков состоялась во второй половине XIX – начале XX в., когда они были переселены в Оренбургский, Орский, Верхнеуральский и Троицкий уезды. Если до 1843 г. нагайбаки, живя в Западной Башкирии среди тюркоязычного населения, контактировали с русскими эпизодически, в основном мужчины во время военных кампаний или сборов, то теперь, поселившись рядом с русскими казаками Оренбургского войска, нагайбаки общались с ними ежедневно. Столь сложное сочетание этнокультурных компонентов в генезисе нагайбакской культуры отразилось на духовном состоянии. Религиозная культура нагайбаков второй половины XIX – начала XX в. известна по публикациям В.Н. Витевского, Е.А. Бектеевой, М.А. Круковского, статьям церковнослужителей в Оренбургских епархиальных ведомостях. Последние испытывали интерес к нагайбакам в связи со случаями массовых переходов групп среди крещеных татар и других «инородцев» в мусульманство и даже язычество. Опираясь на данные публикаций того времени, следует отметить, что религиозная культура нагайбаков, считавшихся номинально православными, во многом проявляла черты синкретизма. Исключение составили нагайбаки, переселившиеся в 1830-х гг. в Оренбургский и Орский уезды, где рядом с ними, кроме русских, оказалось немало татар-казачков, исповедовавших мусульманство. По ряду этнографических признаков и историческим данным¹³ оренбургскими татарами-казачками называли перешедших на службу царю уральских ногайцев. Нагайбаки Оренбургского и Орского уездов быстро сблизились с местными тюркоязычными казаками и полностью перешли в мусульманство, сменив вместе с конфессиональной и этническую идентичность¹⁴.

Очевидец событий конца XIX – начала XX в. Е.А. Бектеева в своей статье¹⁵ описала ряд нагайбакских обычаев, обращая внимание читателя на сочетание христианских, мусульманских и языческих элементов. Она сообщает, что принадлежность к христианству поддерживалась не столько благодаря соседству с русскими, сколько церковью и школой. Пережитки родовых верований в культуре нагайбаков Е.А. Бектеева связывает с контактами предков нагайбаков с восточными марицами и некрещеными чувашами, жившими с ними рядом до 1843 г. в Западной Башкирии. Пережитки мусульманства более всего были заметны среди жителей п. Требии. Связано это было с влиянием татарского промышленника М. Рамеева, разрабатывавшего здесь золотые прииски. Рассчитывая на возможность хорошо заработать на прииске, нагайбаки Требии легко переходили в мусульманство. Это свидетельствует о том, что православие среди них в то время еще не укоренилось, а память о мусульманском прошлом сохранялась. Е.А. Бектеева объясняет это тем, что предки нагайбаков были крещены «насильно» и «поспешно»¹⁶.

¹² Рычков 1762/1, 191–192.

¹³ Небольсин 1852, 1–34.

¹⁴ Атнагулов 2018, 142.

¹⁵ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁶ Бектеева 1902, 177–181.

Больше всего, по ее мнению, отталкивал нагайбаков от православия «невысокий нравственный уровень первых проповедников». Другим препятствием Е.А. Бектеева считала «незнание русского языка с одной стороны и татарского – с другой». Поэтому «пастыри и новокрещенные были чужды друг другу». Ситуация изменилась в 1880 г., когда «нагайбаки впервые услышали, наконец, богослужение на татарском языке». Дальнейшую динамику религиозного состояния нагайбаков как православных христиан Е.А. Бектеева описывает эпитетами «радостно встретились», «слеза умиления» и тому подобное¹⁷.

Далее в своей статье Е.А. Бектеева указывает на христианский характер погребальной обрядности, отмечая при этом запрет причитаний и плача по покойнику, а также употребления спиртного во время поминок. Автор отмечает, что некоторые группы нагайбаков, проживавших вблизи Оренбурга, считаясь православными, тайно сохраняли приверженность исламу: «сносясь с татарами в Оренбурге, они отчасти, хотя и тайно, предались магометанству»; «большинство здешних нагайбаков – христиане только номинально, но старательно скрывают это от русских»¹⁸. Представляет интерес, зафиксированный Е.А. Бектеевой факт празднования православными нагайбаками Курбан-байрама: «В этот день нагайбаки ездят в поле и совершают там нечто вроде жертвоприношения. Для этого в поле приглашается татарин, который продолжительное время читает молитвы и закалывает барана. Затем это жертвенное мясо варят в котлах и съедают. Все это делается незаметным образом от русских. Сюда же приглашается священник служить молебен. Татарин же колет барана, приехав на место еще накануне, и, сделав свое дело, поспешно уезжает, а потому некоторые гости из русских и не подозревают всего происшедшего»¹⁹.

В.Н. Витевский в своем докладе на IV Археологическом съезде (Казань) сообщал, что «в поселке Требии есть несколько старух, которые соблюдают магометанские посты и тихонько молятся по-магометански, прикладывая ладони рук к щекам. Вообще в религиозном быту нагайбаков заметна смесь понятий христианских с языческими: они верят в кереметь, домовых, леших, водяных и т.п.; для умиловивления их у них существуют особые жертвоприношения, знахарки»²⁰.

Ниже представлен фрагмент страницы из Евангелия на татарском языке (см. Приложение. Фото), обнаруженный у нагайбаков д. Попово Челябинской области, где видно обращение к богу на основе трех языковых конструкций. Как видно в одном предложении, имя бога в православно-русской традиции написания «Исус Христось» сочетается с тюркизированными иранским «Ходайым» (Господь наш) и арабо-тюркским «Алла Уль» (Сын божий) вариантами обращений. Издание современное, но использованный алфавит, по всей видимости, восходит к тому, который в XIX в. разработал для крещеных татар просветитель и миссионер Н.И. Ильминский.

По полевым данным, полученным в 1980-х гг. казанскими этнографами²¹, годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков включал следующие

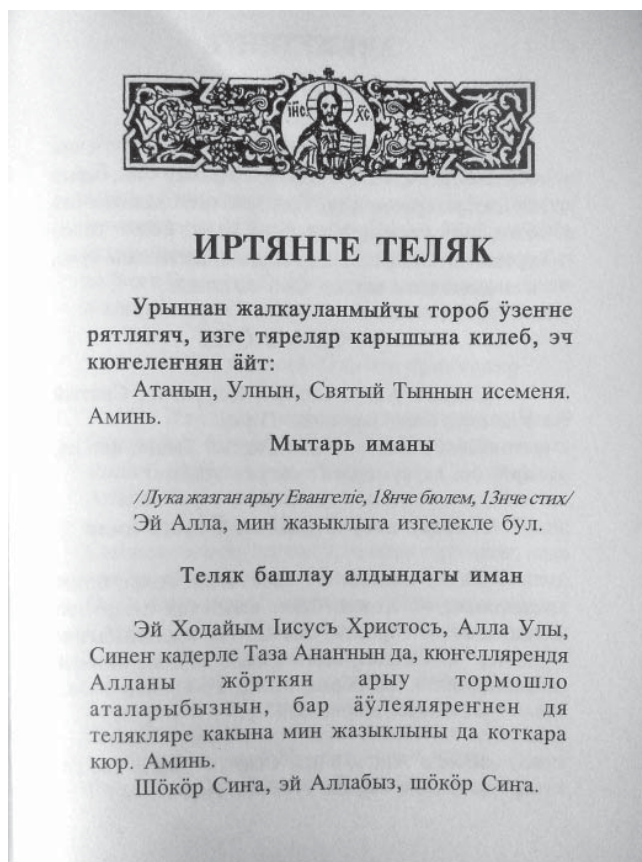
¹⁷ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁸ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁹ Бектеева 1902, 177–181.

²⁰ Витевский 1891, 263.

²¹ Исхаков 1995, 74–87.

основные мероприятия: Новогодние гулянья (Нардуган), Масленица (Май чабу), Вербное Воскресенье (Берменчек боткасы), Пасха (Оло көн), Троица, Покров, День поминовения (Аш биру) (см. Приложение. Таблица 2). Весь цикл обрядовых практик, кроме первого и последнего, перешел из русско-православной культуры. Однако, по мнению исследователей, в каждом отдельном случае наблюдаются оригинальные сюжеты, характерные исключительно для нагайбаков и некоторых групп других крещеных татар. Например, рождественские ряженые дед с бабкой, перед Пасхой приготовление в общем котле вербной каши, спортивные состязания, включая джигитовку на лошадях, во время Пасхи. Летом устраивались, известные среди кряшен, общественные моления о дожде (чук иту). Всей деревней кололи жертвенных животных и вскладчину в большом котле на мясном бульоне варили кашу. Подобное действие (учук) мы наблюдали среди некрещеных чувашей западного Башкортостана, в местах, где раньше жили нагайбаки. В одной из деревень нагайбаков Челябинской области (Краснокаменка) этот обряд был зафиксирован под названием «корман», что, по мнению казанских исследователей, указывает на связь с празднованием в прошлом предками нагайбаков Курбан-байрама.

Завершающим годовым циклом был Аш биру (подача пищи) – поминальный обряд. Его проводили в разных деревнях с конца ноября и примерно до Рождества. Объединившись родственными группами, перед рассветом закалывали жертвенное животное (обычно корову светлой масти и без физических изъянов), до полудня варили мясо в большом котле. После полудня начиналась ритуальная трапеза, продолжавшаяся до ночи. Две старшие женщины на протяжении всей ночи должны были охранять тазовую кость жертвенного животного. По сценарию ритуала кость могла быть выкрадена недоброжелателями, что могло принести несчастье родственникам умершего. Если общее название праздника Аш биру, то вторая его часть называется Тияберсен. По мнению казанских лингвистов и этнографов, этимология этого названия восходит к более древнему тюркскому Тенгри берсен (пусть бог даст), восходящему к тенгрианству (см. Приложение. Таблица 3).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что значительная часть нагайбаков до конца XIX в. сохраняла дохристианские традиции. Кроме того, в XIX в. не раз отмечалось весьма холодное отношение казаков-нагайбаков к церкви. Поселившись на новые земли, они оказались оторванными от соплеменников-единоверцев – крещеных татар. В то же время администрация Оренбургской губернии, расселив нагайбаков среди русского населения, надеялась на то, что это еще больше укрепит их приверженность православию. Однако этого не произошло. Незнание русского языка, на котором велось богослужение в церквях, а также отсутствие священнослужителей из числа крещеных татар привели к тому, что посещение церкви стало носить весьма формальный характер.

Таким образом, нагайбаки в религиозном отношении до второй половины XIX в. занимали пограничное положение. В их духовной жизни долгое время прочно сохранялся архаический пласт языческих представлений, уходящий своими корнями в тюркско-поволжско-финскую среду. Вторым по времени формирования был мусульманский. Многие из нагайбаков помнили о своем мусульманском прошлом. Поспешное и формальное крещение не привело их к глубокому осознанию сущности христианского вероучения. Поэтому религиозные представления нагайбаков являли собой пример своего рода троеверия, сложившегося в результате воздействия трех этнокультурных пластов – древнейшего тюрко-финно-угорского, средневекового татарско-мусульманского и позднейшего русско-православного. Подобная картина до середины XIX в. наблюдалась среди большинства крещеного татарского населения. К началу XX в. нагайбаки Верхнеуральского уезда укрепились в православии. Разумная миссионерская политика, сменившая неудачные попытки грубой русификации, несомненно, принесла плоды. Динамика развития конфессиональной идентичности нагайбаков раскрывает один из важнейших параметров современной нагайбакской идентичности. Принадлежность к православному вероисповеданию сочетается с обрядово-праздничной практикой, включающей существенные тюрко-мусульманские пережитки. Именно такая конфигурация определяет степень оригинальности собственной культуры в этническом самосознании современных нагайбаков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

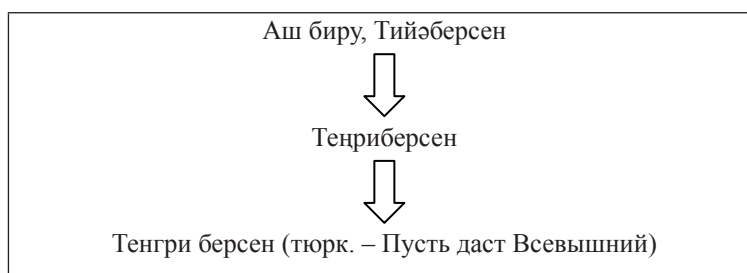
Таблица 1. Динамика идентичностей нагайбаков.

1552–1736	1736–1843	1843–1926	1926 – наст. время
Старокрещёные и новокрещёные в составе волгоуральских татар	Сословие казаков в составе крещёных татар	Крещёные татары (этническая группа) в составе Оренбургских казаков	Народ в списке национальностей СССР и России
Доминантные идентичности			
Конфессиональная	Сословная в сочетании с конфессиональной	Этническая в сочетании с сословной и конфессиональной	Этническая

Таблица 2. Годовой цикл праздников нагайбаков

Русское название	Татарское название
Рождество	Нардуган (тюрк.-монг.) – Зимний солнцеворот
Масленица	Май чабу (тат.) – Масленица
Вербное Воскресенье	Берменчек боткасы (тат.) – Вербная каша
Пасха	Оло көн (тат.) – Великий день
Троица	Троица
Покров	Покрау
День поминовения	Аш биру (тат.) – Подача пищи

Таблица 3. Генетическая связь обряда поминовения с тенгрианством.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров, В.А. (ред.) 2003: *Русские*. М.
- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII–XXI веках: становление и трансформация идентичностей*. Челябинск.
- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Витевский, В.Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. *Труды IV Археологического съезда* II, 254–280.
- Исхаков Д.М. (ред.) 1995: *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)*. Казань.
- Кабузан, В.М. 1990: *Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав*. М.
- Небольсин, П.И. 1852: Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. *Вестник Императорского Русского географического общества* IV.1, 1–34.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. I–II. СПб.
- Чернышев, А.И. 1843: *Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопашотных солдат и солдатских малолетков*. СПб.

REFERENCES

- Aleksandrov, V.A. (ed.) 2003: *Ruskiye [The Russians]*. Moscow.
- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII–XXI vyeekakh: stanovlyeniye i transformatsiya idyentichnostey [Ethnic history of the Nağaybäks in the 18th–21th centuries: formation and transformation of identities]*. Chelyabinsk.
- Bektyeyeva, Y.A. 1902: Nagaybaki. (Kryeshchyeny tatory Oryenburgskoy gubyernii) [The Nağaybäks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina [Living Antiquity]* II, 165–181.
- Chernyshev, A.I. 1843: *Pravila o pereselenii na zemli Orenburgskogo kazach'ego voyska kazakov uprasdnyennogo Stavropol'skogo kalmykского voyska, belopakhotnykh soldat i soldatskikh maloletkov [Rules on the resettlement of Cossacks of the abolished Stavropol Kalmyk army, white-ploughed soldiers and young soldiers to the lands of the Orenburg Cossack Army]*. Saint Petersburg.
- Iskhakov, D.M. (eds.) 1993: *Nagaybaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov [The Nağaybäks (comprehensive study of a group of baptized Tatar-Cossacks)]*. Kazan.
- Kabuzan, V.M. 1990: *Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav [The peoples of Russia in the 18th century. Number and ethnic composition]*. Moscow.
- Nebolsin, P.I. 1852: Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray [Travel report to Orenburg and Astrakhan Region]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society]*, IV.1–34.
- Rychkov, P.I. 1762: *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstoyatel'noe opisaniye Oryenburgskoy gubyernii, sochinyennoe kollyezhskim sovyetnikom i Impyertorskoy Akadyemii nauk korryespondyentom Petrom Rychkovym*. Ch. I–II [Topography of Orenburg, that is: a detailed description of the Orenburg province, composed by the collegiate adviser and the Imperial Academy of Sciences correspondent Peter Rychkov]. Pt. I–II. Saint Petersburg.
- Vitevskiy, V.N. 1891: Skazki, zagadki i pesni nagaybakov Verkhneuralskogo uyezda Oryenburgskoy gubyernii [Fairy tales, riddles and songs of the Nağaybäks of the

Verkhneuralskiy uyezd, the Orenburg province]. *Trudy IV Arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the IVth Archaeological Congress] II, 254–280.

SYNCRETISM IN THE RELIGIOUS CULTURE OF THE NAҒAYBÄKS

Irek R. Atnagulov

*Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Abstract. The history of the religious development of the Naғaybäks took place against the background of complex interactions and contacts between Islam, Christianity and the remnants of the original ideas of the peoples of the Turkic and Finno-Ugric groups of the Volga Region, the Kama Region and the Urals, rooted, among other things, in ancient Turkic Tengrianism. It was formed in the first half of the 16th – early 20th century in the conditions of rivalry between two world religions, Christianity and Islam, the spiritual culture of the Naғaybäks, being nominally Orthodox, retained a complex set of archaic features. This is manifested, for example, in the structures of ritual and ceremonial practices (equestrian competitions, preparation of sacrificial meat in cauldrons, rules of the festive and ritual table, etc.), the calendar of holidays of the annual cycle, including Turkic and Slavic traditions (Nardugan, Maslenitsa, Easter, Ash Biru and others), as well as the vocabulary used in the liturgical literature (Turkic, Slavic, Arabic and Iranian). All this testifies to the pronounced syncretism of the religious culture of the Naғaybäks. Being a Turkic people by language and Orthodox-Christian by religion, the Naғaybäks have always been close to the Turkic-speaking Muslims, Tatars, Bashkirs and Kazakhs, as well as Russian Orthodox Christians. Such a neighborhood served, on the one hand, to strengthen them in Orthodoxy, on the other – to preserve the Turkic-Muslim remnants. As a result of such influences, the religious culture of the Naғaybäks was formed into an original composition, felt by the people as a single complex reflecting their ethnic identity. The religious phenomenon of the Naғaybäks can be considered one of the foundations of their modern ethnic identity.

Keywords: ethnohistory, Christianity, Islam, Tengrianism, syncretism, Naғaybäks, Tatars, Russians, ethnic culture, identity.
